ПОЭТЫ ЧЕРНОБЫЛЯ

Прилетай, белая птица с черной отметиной

«...И вновь я вспомнил птицу, которая изредка постукивая длинным клювом, чинно стояла в большом гнезде, на верхушке неказистого на вид тополя. Аист, как никто другой чувствующий человеческое жилье, стремящийся к нему, словно бы не желал смириться с пугающей пустотой припятских многоэтажек, которые белели в просветах между деревьями...»

Эти слова написал известный казахский поэт Бахытжан Канапьянов, после посещения в первые дни Чернобыльской катастрофы 30-километровой зоны, выпустивший книгу своих поэзий. Воспринимая мир и все происходящее в нем по-своему, в художественных образах, поэт, для которого человеческая духовная сфера является субстанцией мировосприятия, выхватил главное, скрытое под обманчивой идеологической трескотней, — Чернобыль несет драму не только для эвакуированных, вырванных из родной почвы людей, но и вселенскую трагедию, разыгравшуюся в этом микроскопическом уголке планеты.

И все же, почему ему, поэту, почему многим, для кого чернобыльская, полесская земля — это не пустой звук, не штрихи и условные обозначения на географической карте, а незаживающая боль, кровоточащая рана, заказано верить в лучшее, что можно повернуть колесо истории вспять, вдохнуть жизнь в осиротевшие дома, освятить своим присутствием небо и землю, леса и пашни, сады и реки занемогшего, но излечимого края?

Дети атомного века
Возвращаются в село.
И — очнувшееся эхо
Покатило,
понесло
За деревню,
к тихой речке
Голоса и смех детей
Август.
Над Полесьем вечер.
В школе сбор учителей.
(«Сон о возвращении»)

Да, автор, как и многие другие, прекрасно осознавая ущербность надежд на скорое возвращение людей в Чернобыльскую зону, в то же время остается оптимистом, ведь вера, эта спутница и путеводная звезда потерявшегося, но не сдающегося человека, не раз делала чудеса, как в сказке со счастливым концом...

Может, в будущем, изучая историю нашего поколения, ученые для того, чтобы воссоздать наиболее полную, яркую и непридуманную картину ликвидации последствий катастрофы в первые «послевоенные» годы прибегнут к услугам именно таких книг, где каждое слово дышит теми знойными днями 86-го...

Часто мы стыдимся своих благородных порывов, краснеем, когда нам напоминают, какими мы можем быть красивыми и порядочными. А жаль. Жаль, когда на месте пробудившейся в страшный час совести с годами образуется зияющая пустота, как будто мы все это время занимались ничем другим, как выщелачиванием памяти, нравственных начал человеческого естества. Однако, давайте вспомним:

«Наша семья готова принять как родных пятерых ребят, и, если нам пойдут на встречу, будем благодарны за доверие».

Водитель Ю. Аветисян, Цахкадзор.

«Я — Юлдашев Хаким. Как и все советские люди знаю, когда к нам пришла беда — землетрясение, нам помогали украинские товарищи. И вот сейчас я не хочу оставаться в стороне. Работаю поваром, хочу готовить обеды для работающих на Чернобыльской АЭС».

Узбекская ССР.

«Готовы принять на все лето сто старшеклассников из Чернобыля. Гарантируем хорошие условия жизни, работы и культурного досуга».

Коллектив совхоза «Солнечный», Урус-Мартановского района, ЧИА ССР.

«Я — мать тринадцати детей. Государство выделило нашей семье многокомнатную квартиру. У нас все есть, и теперь, когда люди нуждаются в помощи, считаю своим долгом от всего сердца помочь им чем только могу».

З. Гущина, мать-героиня, работница кондитерской фабрики, г. Калуга.

«Хочу заявить, что готов помочь не только материально, но и на месте аварии. Я специалист в области ядерной техники. Готов выполнять любую работу. Думаю, что подобных писем вы получаете много. Но прошу учесть, что свое предложение я делаю серьезно и честно».

Милан Гловачек, Литомышль, ЧССР.

Не ошибался Милан, когда предполагал, что таких писем, где люди хотели поделиться с потерпевшими всем, что заработали тяжелым трудом, было очень много, они перепечатывались всеми газетами бывшего Союза, еще больше их не увидело свет. И эти письма — излучение человеческой доброты и сострадания. Убежден, что не многим довелось на деле доказать свою готовность помочь потерпевшим в Чернобыльской зоне, вот как специалисту-ядерщику из Чехословакии. Но не в этом беда. Беда в том, что не слышно в последнее время готовности помогать чернобылянам, им, большинству из которых так и не удалось обрести покой в эвакуации, чаще приходится самим напоминать о себе, превозмогая стену отчужденности и неприятия. И, кажется, поэт чувствовал, что настанет время, когда людям понадобятся эти воспоминания, поэтому и поместил на страницах газетные вырезки прошлых лет: вспоминайте, пропускайте себя сквозь эти пламенные человеческие строки, очищайтесь, и да снизойдет на вас благодать.

Автор гордится, что и его народ не остался в стороне от происходящего в Чернобыле, лучшие сыны Казахстана

наравне с другими представителями народов и народностей, прошедшие испытание чернобыльской радиацией, самоотверженно трудились на самых сложных, самых загрязненных участках Полесья:

...И там, наряду со всеми,
В тревожное это время
Трудятся неустанно
Парни из Казахстана.
Если сказать попроще,
Без лирики и тумана,
Дезактивируют рощу
И деревушку с поляной
Парни из Казахстана,
Парни из Казахстана.
Смывают с земли частицы
Распавшегося урана...
Мне не забыть ваши лица,
Парни из Казахстана,
Парни из Казахстана,
Во имя завтрашних будней
И детской улыбки из сада,
Я знаю, что путь ваш
труден,
Парни из Казахстана,
Парни из Казахстана,
Вот чувство семьи
единой—
Расчета в нем нет и плана.
Украинский куст рябины
Вам — как карагач с
кургана,
Парни из Казахстана,
Парни из Казахстана.
И там, наряду со всеми,
В тревожное это время
К цели идут неустанно
Парни из Казахстана,
Парни из Казахстана,
(«Казахстанцы»)

Нет, не забыть украинцам тех, кто в решающий для народа час самозабвенно трудился над очисткой их родной земли, постройкой «саркофага», кто не считаясь ни со здоровьем, ни увещеваниями «рассудительных» людей сделал, казалось бы, невозможное — предотвратил расползание атомной чумы на еще большие территории. Украинцы не вправе этого забывать.

Совсем иначе читаются такие строки:

Фонд Чернобыля —
святой для жизни фонд.
Последнюю пятерку внесла
пенсионерка
И, у сберкассы сидя на
скамейке,
В нормальный вписывается
фон.
Фонд Чернобыля —
святой для всех нас фонд.
Счет — номер девятьсот
четыре:
Проверьте у себя в
квартире
Совести активный фон.
Фонд Чернобыля —
народный фронт.

Да, кажется, никому не забыть тот 904-й, испачканный нечистыми руками партийных и атомных функционеров. Сколько таких последних пятерок было вырвано из скудного семейного бюджета... А кто-то распоряжался этими народными средствами по своему усмотрению, направо и налево. И только Бог, если он есть, воздаст каждому по заслугам.

Этой весной небо Чернобыльской зоны вновь оглушили крики аистов. Птицы возвращались к насиженным гнездовьям. Что им чудилось, что грезилось в долгом перелете на родину? Надежда вновь встретить человека? Наверное. К сожалению, эта надежда вновь расстаяла, как быстрое покорение атома. Но они возвращаются, растят птенцов, рассказывая о более радостных временах, когда, подлетая к знакомому подворью, видели счастливые лица людей. ...Аист прилетел. Да не закончится его песнь, да не оскудеет наша память о прошлом и будущем. Аист прилетел. Я верю, будем жить!

Виталий РОМАНОВ.